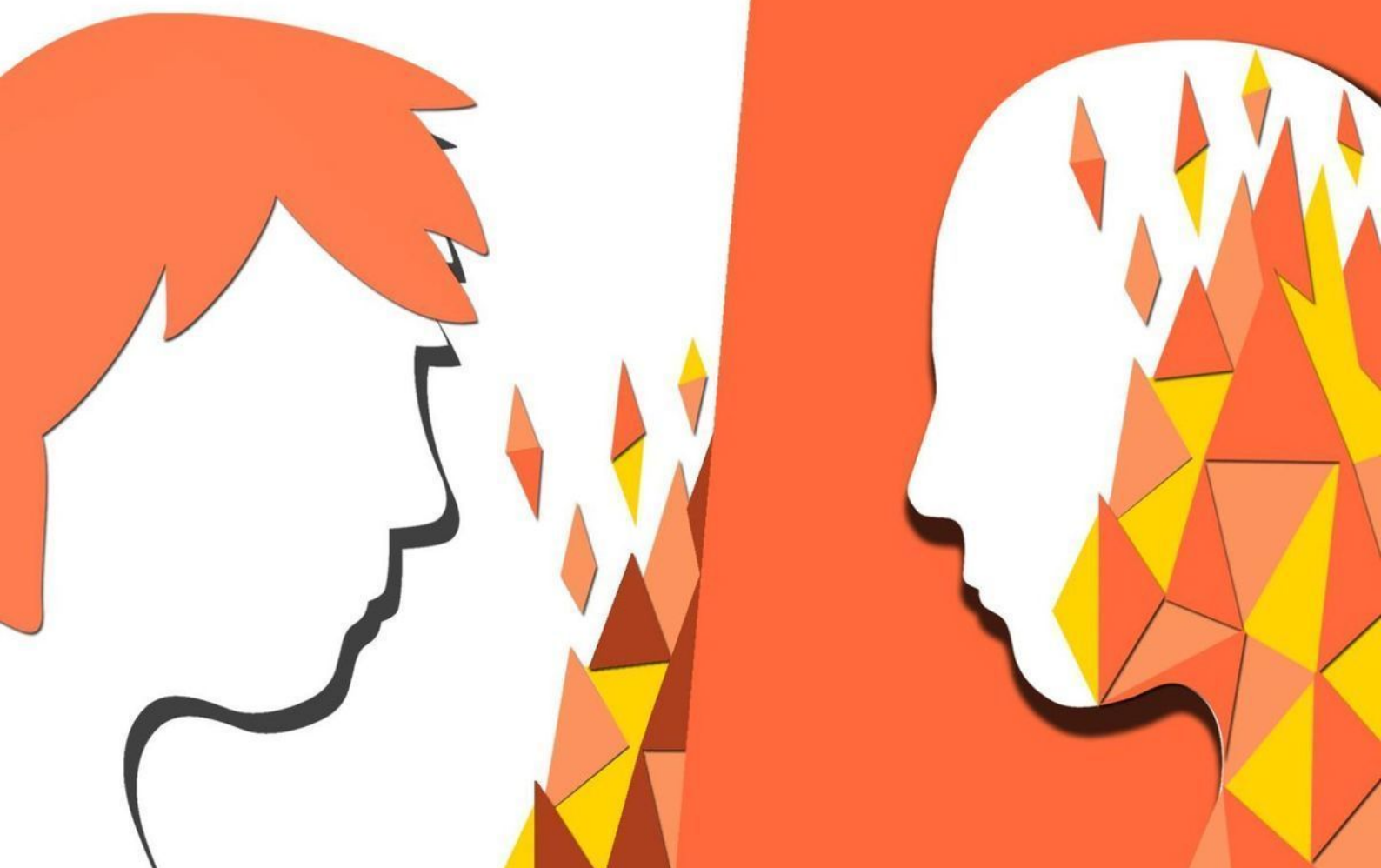

ОТТОРЖЕНИЕ

Катя Райт

Катя Райт

Отторжение

«Издательские решения»

Райт К.

Отторжение / К. Райт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930128-4

Главные герои этой книги — подростки. Они проходят через серьезные испытания в жизни, через страх, боль, чувство вины и предательство. Они рассуждают о настоящей смелости, о необходимости вписываться в общество, о поиске себя. Их миры сталкиваются, как планеты, случайно сошедшие с орбит. И в результате этого «большого взрыва» случаются удивительные открытия.

ISBN 978-5-44-930128-4

© Райт К.

© Издательские решения

Содержание

Рита	6
Питер	10
Шон	12
Рита	14
Питер	17
Рита	19
Шон	21
Питер	23
Рита	24
Шон	28
Рита	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Отторжение

Катя Райт

Иллюстратор Юлия Змеева

Дизайнер обложки Мария Маврина

© Катя Райт, 2018

© Юлия Змеева, иллюстрации, 2018

© Мария Маврина, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-0128-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рита

Мама с папой уже за столом. Завтрак накрыт. Я подлетаю к кухонному шкафу и быстро, пока мама не успела ничего проворчать, беру горсть мармеладок. Красные, желтые, зеленые, посыпанные сахаром, они приятно липнут к ладони. Солнце пробивается яркими лучами сквозь шторы и бросает блики на стол. Я не могу удержаться, достаю из сумки телефон и фотографирую. Чашка кофе: моя и Питера – чуть вошла в кадр. Тарелка с хлопьями, бутылка молока. Высыпаю рядом сахарные мармеладки. Скатерть с маленькими незабудками, разбросанными по всему столу. И лучи солнца – как две параллельные дорожки на этом поле.

– О боже! – папа закатывает глаза. – Ты никогда не прекратишь это!

Мы смеемся. Хороший сегодня день. Я переключаю камеру на телефоне, вытягиваю руку и делаю селфи чуть сверху, чтобы захватить свое желтое платье в белый горох, такое же легкое и яркое, как сегодняшний сентябрьский день.

Пока публикую свой портрет в Инстаграм, к завтраку спускается Питер.

Питер мой старший брат. Мы двойняшки. Он родился на несколько минут раньше. Питер классный. Добрый, отзывчивый. Он ни разу не отказывал мне. А так как он всегда был объективно сообразительнее во всем, что касалось школьных предметов, обращалась я к нему часто.

– Привет, дорогой! – расплывается в улыбке мама.

– Доброе утро! – папа делает жест рукой.

– Доброе, – отвечает Питер ровным голосом.

Я машу ему и тоже улыбаюсь. Он садится на свое место. За последние два года Питер научился садиться и вообще двигаться так, чтобы мы видели только одну сторону его лица. Вернее, чтобы не видели ту, которая пострадала при несчастном случае. Он всегда немного вполоборота, всегда как будто отворачивается или смотрит куда-то в сторону. Он так наловчился, что мы можем несколько дней к ряду даже не вспоминать, что у Питера вместо правой стороны лица – уродливый ожог. Вернее было бы сказать, у Питера вообще нет половины лица. Несчастный случай. Так мы договорились называть то, что произошло, хотя почти не говорим об этом. Уж точно никогда не говорим об этом с Питером. Он сам настоял на том, чтобы ничего, кроме «несчастный случай», никогда не произносилось. Потому что ведь понятно – люди будут спрашивать. Как бы тщательно Питер ни прятался, все равно кто-то что-то увидит.

Мы переехали в Аннаполис из Бостона в начале июня, и мне было невероятно одиноко до школы. Хотя в новой школе тоже не очень-то легко, но летом было почти невыносимо. Мне хотелось купаться, сидеть на берегу, бегать по пляжу. Мне хотелось бродить по набережным и пирсам. Берег здесь изрезан заливами и крошечными бухтами. Если посмотреть на карту, то частные пристани для катеров похожи на зубчики старой расчески, выпирают, то тут, то там. А когда идешь вдоль них, то ничего такого не видно – просто обычные яхты. Еще мне очень хотелось перебраться на другую сторону моста Чесапик Бэй. Вообще, правильное название мост имени Уильяма Престона Лейна-младшего, но так его никто не называет. Просто Чесапик Бэй. Не путать с тем, у которого есть тоннели. Но так и не сложилось – родители занимались переездом и, естественно, втягивали во все домашние дела меня. Сначала часть коробок застряли где-то под Филадельфией, и папа обрывал телефоны компании, занимающейся переездами. Потом вместе с нашими коробками приехали чужие, и нам пришлось искать хозяев и отправлять груз обратно. Потом мама задумала переставить мебель, и началась невероятная движуха. Диван – к окну. Да нет, к другому. Рядом – лампа, картину – на стену. Да нет, не на ту. Да нет, не ту картину. Шкафов в кухне оказалось недостаточно для всей нашей посуды, и спешно пришлось вызывать плотника, чтобы он снял мерки и сделал еще парочку. Цвет новых шкафов не совпал с теми, что висели на кухне, и пришлось подбирать краску и пере-

крашивать все. В общем, переезд длился прямо до конца августа, а потом на крыльце треснула доска. Папа доктор философии и никогда не держал в руках топора или пилы, так что опять пришел плотник. Теперь одна доска на заднем крыльце так и светится, выбиваясь из общего потертого фона.

Новый дом раза в два больше того, что был у нас в Бостоне. На первый взгляд выглядел он обшарпанным, но на самом деле оказался очень просторным. С терракотовой черепичной крышей и широким крыльцом. Газон после стрижки обнажил проплешины и залысины, но совершенно их не стеснялся и даже гордо поблескивал на солнце, подмигивая каплями из поливального шланга.

Поначалу все выглядело немного заброшено, в основном, из-за кучи веток, сложенных горой на заднем дворе. Папа купил измельчитель, чтобы разобраться с ними. Он даже позвал Питера помочь ему, но куда там – брат ни за что не выйдет даже на крыльцо. Так что, ветки до сих пор лежат бесформенным шалашом на заднем дворе.

От нас до Балтимора около часа езды на машине. В Балтиморе Питеру должны сделать очередную операцию. Хороший доктор, говорят. Хорошая клиника. Да и было просто необходимо сменить обстановку, потому что там, где мы жили раньше, все слишком много знали. Все знали всё, честно говоря, и «несчастный случай» не очень-то прокатывал. Люди смотрели на Питера с жалостью, потому что газеты раструбили о том, что произошло, и брата это страшно бесило. Нас всех бесило, ведь взгляды были такими очевидными – не скрыться. А соседские мальчишки, эти мелкие дрянные засранцы, все норовили заглянуть к нам в окна, чтобы увидеть Питера. Ух, как же они меня раздражали!

Здесь мы поселились в пригороде. По своим университетским связям папа нашел Питеру лучших преподавателей для дистанционного обучения, и, по-моему, брат уже давно оставил позади школьную программу. Он постоянно за книжками. Перелопатил всю отцовскую библиотеку – часть ее из бостонской гостиной переехала прямиком в его здешнюю комнату. И вот, не прошло и трех месяцев, в новой комнате Питера книги уже не умещаются на полках и лежат на полу башенками. А его покетбук просто трещит от файлов. Он столько времени проводит за учебой, что через год станет, наверное, профессором. С другой стороны, что ему еще делать. Я постоянно уговариваю его выползти хоть на крыльцо вечером – там же все равно никто не увидит. Но Питер только упрямо мотает головой.

Школа Броднек классная. Мне недолго пришлось быть новенькой. Не прошло и месяца с начала учебного года, у меня уже появилась подруга. Памела Кастрлой, яркая блондинка с огромными голубыми глазами, звезда школы, самая популярная девчонка, подошла на третий день и спросила, есть ли у меня аккаунт в Инстаграме. Я ответила, что конечно, есть, и мы подписались друг на друга. «Ты не теряйся тут, – сказала тогда Памела, – Я тебя со всеми познакомлю». И она сдержала обещание.

Тим Портер. Высокий красавчик с фигурой как у спасателя из сериала, с коротко стриженными волосами цвета подпаленной скорлупы жареного каштана. Квотербэк и капитан школьной футбольной команды. Авторитет и безоговорочный лидер. Мечта. И он с интересом поглядывает в мою сторону. Как-то на перемене, когда он со свойственной ему небрежностью закидывал учебники в рюкзак, я сфотографировала его. Думала, не заметит, но он поймал мой взгляд в объективе и подмигнул. На уроках он опрятный и примерный, на тренировках – напористый и активный. Можно с ума сойти, наблюдая, как они с парнями носятся по полю под свистки и громкие команды тренера.

Джерри Ланкастер, друг Тима. Тоже футболист, центральной лайнмен. На нем рубашки просто трещат – такой он накаченный. А рубашек у него... Кажется, они ни разу не повторя-

лись. И улыбка, широченная, во все зубы. Страшный модник. Памела говорит, он по полчаса вертится перед зеркалом, прежде чем выйти куда-то.

Еще один друг Тима и товарищ по команде Осборн Квинс. Его кожа – словно растопленный шоколад. Серьга в ухе – как у знаменитых рэперов, серебряный браслет на запястье. Осборн всегда носит кроссовки. Даже с брюками и рубашками. Шутит, что его стопа создана для спорта. Он невероятно позитивный, всегда с улыбкой и каждое утро с новой шуткой.

В школе Броднек нет единой формы. Все ученики носят строгую одежду: парни – рубашки и брюки, девочки – юбки до колен и блузки. Все придерживаются спокойных тонов, все выглядят как одно целое. Кроме Шона Фитцджеральда. Машины на парковке тоже примерно одного уровня. Чистые, не то чтобы очень дорогие, но и не колымаги. Все аккуратно выстроены на парковочных местах. Все, кроме машины Шона Фитцджеральда. Ярко синяя «Шевроле» последней модели словно выпрыгивает из потока. «Ого!» – когда вижу ее, аж присвистываю. «Чья это?» – спрашиваю Памелу. Но она только фыркает и машет рукой. Мы обходим машину спереди, и у меня мурашки пробегают по спине. Правая сторона просто разодрана – как побывавший в стиральной машине кусок картона. Дверь вмята, стекло покрыто трещинами, краска содрана. Неслабая была авария. Хозяин такой тачки должен был сразу побежать в автосервис, но Фитцджеральду, похоже, наплевать. Он входит в кабинет всегда одним из первых, а выходит последним. Я бы никогда даже не узнала его имени, если бы не спросила у Памелы, потому что к нему никто не обращается. Он – как пятно на картине класса. Вечно в потертых джинсах и толстовках с капюшоном. Черные, серые, с надписями на спине. Даже в сентябре, который выдался довольно жарким, когда все парни модно закатывали рукава у рубашек, этот не вылезал из своих толстовок. Потертый красный рюкзак всегда перекинут через плечо. Шон ни с кем не здоровается, не разговаривает, ходит, опустив голову. Он как будто хочет быть незаметным, но его внешность бросается в глаза. Рыжий, с веснушками по всему лицу, рассыпанными, как звезды по небу. Но не за городом, где звезд слишком много, а, скорее, на окраине мегаполиса. Волосы его коротко стрижены и всегда растрепаны, как будто он расчесывает их разве что собственными пальцами. Я спрашивала несколько раз у Памелы и других девчонок, что с ним не так, но все лишь отмахиваются или пожимают плечами. Однозначно, этот Фитцджеральд не очень-то приятный тип, раз никто ему даже руки не подает.

После школы иногда мне удается увидеть Питера дремлющим на диване в гостиной. Сегодня именно такой день. С одной стороны, я люблю эти моменты, почти единственные, когда брата можно застать врасплох и наблюдать за ним, не защищенным толстыми стенами. Он лежит, безмятежно, обнимая подушку, ровно расслабленно дышит, как будто ничего его не беспокоит, как будто он такой же, каким был два года назад и четырнадцать лет до этого. Но Питер всегда спит только на здоровой стороне лица, и сейчас я вижу другую – изуродованную, которая и на человеческое лицо-то не похожа. Как будто не Питер лежит передо мной, а чудовище, монстр из детских раскрасок с заданиями, которого неуверенной рукой нарисовал пятилетний мальчишка. И мне каждый раз приходится одергивать себя и заново убеждать, что это мой любимый брат. Вот и сейчас – я останавливаюсь у дивана, где уснул Питер, и первое, что мне хочется сделать, отвернуться, поморщиться, а потом – залиться слезами. Но я говорю себе: «Это же Питер, твой любимый Питер, не отворачивайся от него». Я сильно сжимаю губы, чтобы вытравить из себя жалость, и в бликах солнечного света, проникающего между занавесками, как будто ловлю отблеск его прежнего. Озорного, с искрящимися жизнью глазами, такого красивого, что даже старшеклассницы сворачивали головы. Волосы чуть темнее созревшей ржи, синие глаза – как грозовое небо в весенний день. На правой стороне лица был шрам, небольшой, Питер получил его, когда упал с велосипеда. Рассек скулу, и пришлось накладывать швы. Питеру было тогда – сколько? – десять. Помню, он ни слезинки не проронил. Я

вообще едва ли смогу вспомнить его плачущим. На месте того аккуратного детского шрама теперь нет ничего. Нет кожи или даже рубцов – только неопределенная, скукоженная, а потом как будто снова натянутая, рваная ткань. Как будто и нет Питера, как будто он начинается только с воротника футболки, под которым ожог скрывается.

И еще нельзя, чтобы Питер застал меня смотрящей на него. Я научилась предвидеть его пробуждения и уходить за полминуты до того, как брат откроет глаза.

– А, ты уже проснулся! – говорю с улыбкой, высовывая голову из столовой.

Питер выглядит растерянным. Он думает, не смотрела ли я на него спящего.

– Чем занимался сегодня? – быстро спрашиваю очень непринужденно. – Хочешь сэндвич?

Он кивает, не издавая ни звука. Он не поднимает на меня глаз, а потом встает так, чтобы я видела только левую сторону его лица.

– Как в школе? – серьезно спрашивает он.

Иногда мне кажется, что мой брат лет на тридцать меня старше. Неужели из-за одного «несчастливого случая» человек может за короткий срок повзрослеть на несколько десятков лет и даже состариться. И вообще, что делает человека старше? Глядя каждый день на Питера, я теперь понимаю, что не пергаментная кожа, не морщинки вокруг глаз, и даже не временное расстояние от даты рождения до сегодняшнего дня. Это что-то во взгляде, когда гаснет искра. Она, может, была незаметна раньше, но когда потухла, стало темно. Это что-то в отношении ко всему, когда человек словно отодвигает жизнь в сторону за ненадобностью. Так, иногда поглядывает на нее, но не живет. Если б я только знала, в каком ящике Питер запер свою жизнь, я бы выкрала ключ и заставила его снова помолодеть.

– В школе как в школе, – пожимаю плечами. – Девчонки классные.

– Это круто, – отвечает Питер, но по его голосу вообще не скажешь, что круто.

Мы едим сэндвичи с тунцом и болтаем. Я выкладываю миллион своих впечатлений и мыслей о новой школе и одноклассниках, а он слушает. Британи Фортис сегодня не устояла на своих каблуках, споткнулась и уронила поднос в столовой – все жутко смеялись. Лин Вэн начала встречаться с Рональдом из параллельного класса. Наш физрук мистер Седрик сломал руку. Ничего особенного, но никто не умеет так слушать как Питер. Он ловит каждое слово и каждое запоминает. Складывает их бережно где-то на полках своей памяти. Могу поклясться, у него там идеальный порядок. Наверное, даже круче, чем у него на столе. Поэтому в нужное время он может без труда найти нужное воспоминание или отрывок разговора.

– А у тебя что? – спрашиваю.

– Ничего интересного, – пожимает плечами он. – Прикладная математика, физика, астрономия.

Я хочу спросить, что такое эта прикладная математика, но его улыбка... Это что-то. Настолько сдержанная, будто его могут казнить за нее. Когда-то Питер улыбался широко и смеялся так, что хрусталики на люстрах в ресторанах позвякивали в унисон. Смеха его я не слышала уже два года, а улыбка... Она стала почти незаметной. Может, оттого что одна половина лица не может улыбаться за двоих, а может, за улыбку отвечала как раз правая сторона, которой больше нет.

Питер

Из маминого любимого сервиза разбилась одна тарелка. Выскользнула, когда они с Ритой выставляли их из коробок в шкаф, освобождая от бумаги. Папа порезался, когда открывал канцелярским ножом измельчитель веток. Это была одна из первых покупок, потому что веток на заднем дворе – целая куча. Почти все лето мы непрерывно наводили порядок и раскладывали вещи.

Мои коробки приехали одними из первых. Книги прибыли чуть позже, когда я уже успел расставить и прибить все полки. Целая стена, полностью занята книгами – от пола до потолка. Я заказал легкую лестницу, чтобы удобно было добираться до верха. К августу дом был готов. Началась наша новая жизнь.

Думаю, сложнее всего приходится Рите. Новая школа, новые друзья. Но она умница – люди сами к ней тянутся. Она справится. Весь сентябрь сестра была как на иголках, но к концу первого учебного месяца стало легче. Я чувствовал это в каждом ее движении, в том, как она приходила из школы и, либо тяжело с выдохом опускалась на диван в гостиной, либо взлетала по лестнице в свою комнату.

Сегодня папа подходит ко мне с просьбой. Он знать не знает, что делать с этим измельчителем, но гора веток на заднем дворе такая огромная, что даже доктора философии толкает на садовые работы.

– Поможешь мне, Питер? – он кивает на заднюю дверь.

Я отрицательно мотаю головой. Никогда ни за что я не выйду из дома. Я сто раз говорил. Даже на задний двор.

– Боюсь, один не справлюсь, – вздыхает папа, – Вообще не представляю, как их все переработать...

Я пожимаю плечами.

– Пойду в своей комнате уберусь, – говорю.

Я переставляю книги. Я делаю это каждые две недели. Можно расставить по размеру, чтобы они тянулись ровными рядами. Можно по темам, по алфавиту или по цветам. Медленно вынимаю книги с полок, складываю в стопки, потом начинаю разбирать. Прочитанные поставлю выше. Научные – на полки ближе к столу. Физика, математика, химия. Толстые биографии определяю отдельно. Леонардо да Винчи, Архимед, Стив Джобс, Бенджамин Франклин, Альберт Эйнштейн. Нет, лучше по алфавиту. Или по годам жизни? Часть книг не помещаются на полках. Их складываю стопками в углу. Еще несколько больших энциклопедий и подарочных альбомов о лошадях. Рассматриваю их, провожу рукой по обложкам. На одной – фотография гнедого арабского скакуна и золотое тиснение. Ее мне подарили за победу в соревнованиях округа. Там, внутри, на форзаце есть даже памятная надпись. Но я не открываю книгу. Надо бы вообще все их убрать подальше. Может, продать на e-bay? А может, выбросить? Жокейский шлем, седло и прочую экипировку я же продал. Так к чему хранить эти альбомы? Хотя, подписанные, они, наверное, никому не нужны. Убираю их под кровать – с глаз долой. Кубки и победные статуэтки остались под кроватью в нашем старом доме в Бостоне. Расстановка книг успокаивает. Это как медитация, или практики дыхания, которым меня учил мой врач. Тогда, после первой операции, я стал задыхаться. Не из-за нехватки воздуха, а от слез. Я так ревел, когда меня никто не видел, что в прямом смысле захлебывался. Зажимал рот подушкой. Чувствовал прикосновения ткани к своему лицу, отбрасывал подушку. И рыдал еще сильнее. Никто никогда не видел этого. Незачем. Сейчас такого уже не случается. Я не привык, конечно – просто слезы, наверное, кончились. К тому, каким я стал, невозможно привыкнуть. Можно просто приучить себя не смотреть. Я не смотрю на себя целиком.

– Может, съедим на пляж? – спрашивает за ужином Рита. – Может, в выходные, а? – она смотрит на папу, а папа переводит взгляд на меня.

Теперь все смотрят на меня. Я мотаю головой. Какой пляж? Ни за что я не выйду из дома. Чтобы кто-то еще стал на меня пялиться!

– Можете ехать без меня, – отвечаю.

– Ну, Пи-и-итер! – тянет Рита и делает жалобные глаза.

Только она умеет сделать такие глаза, что, спорю, лидер Северной Кореи выпустил бы всех заключенных из лагерей, увидь он этот взгляд. На меня это безоговорочно действовало раньше. Теперь – нет. Что толку так смотреть!

– Рита! – обрываю.

Ну, все же знают, что я не выхожу. Все всё знают и периодически пытаются что-то предложить. Как будто я забуду что ли? Ах, да, конечно, поехали на реку, а потом сходим в кино, прогуляемся, накупим всякой всячины, посидим в «KFC». Ой, простите, я же совсем забыл, что я урод, и все вокруг будут таращиться на меня, дети будут показывать пальцем, родители одергивать их и шипеть, что так нельзя. А потом будут жалеть, охать и стыдливо отводить глаза. Нет, ничего я не забыл. И поэтому никуда я не пойду.

Шон

Возвращаюсь домой из школы. Открываю дверь. Рюкзак сползает с плеча. Волоку его за собой на второй этаж. В комнате стягиваю кеды, бросаю толстовку на кровать. Осень в этом году жаркая. Вообще, с погодой творится черт знает что. Иногда думаю, лучше бы согласился на переезд, когда папа предлагал. Умотали бы куда-нибудь на север, в Массачусетс, или в Мэн, или вообще на Аляску. Папа бы, конечно, не согласился так далеко, но Аляска было бы самое то. Но, фиг знает, почему, остались, а теперь уж папа и слушать меня не станет.

– Шон, милый, – мама быстро поднимается по лестнице и подходит к моей комнате. – Как дела в школе?

– Как всегда, – отвечаю, не глядя на нее.

– Что-нибудь будет в честь Хэллоуина?

– Ага, – бурчу, – наряжусь в самого себя и пойду на кладбище...

– Шон, – мама качает головой.

– Что?

– Сейчас папа вернется. Будешь ужинать?

– Нет.

Она окидывает взглядом мою комнату.

– Может, уберешься, а то как-то у тебя неопрятно...

У меня комната – полный бардак. Книги, учебники свалены у стола в стопки, которые напоминают съезд пизанских башен. Часть одежды – на стуле возле шкафа, стол и подоконник завалены обрезками бумаги, чертежами, тубиками клея, готовыми и не получившимися деталями бумажных макетов зданий. Тут же – карандаши, линейки, кисточки, вымазанные белой гуашью и баночки с краской. Спортивный инвентарь и смятые старые плакаты мама не видит – они под кроватью. В углу, один на другой громоздятся готовые архитектурные макеты. Дом в викторианском стиле давит на крышу американской закусочной, полукруг стадиона выглядит из-под Эмпайр-Стейт-Билдинг.

– Да ладно, мам, нормально, – говорю и кидаю рюкзак прямо на макеты. Они глухо хрустят.

– Зачем ты так, Шон! – мама поджимает губы и качает головой. – Такие красивые! Мне они очень нравятся...

– Да, фигня.

После ужина, уже поздно вечером, когда родители смотрят телик внизу, спускаюсь съесть сэндвич.

– Поешь нормально, Шон, – говорит мама, – там, в холодильнике, курица и салат.

– Угу, – киваю.

Когда отламываю крылья у запеченной курицы, в кухне появляется папа. Я стою спиной и не вижу его, но узнаю по шагам. И еще по тому, что за секунду до него в помещении всегда появляется разочарование.

– Как в школе, сынок? – спрашивает он, и разочарование злобно ухмыляется, рассевшись на стуле.

– Как всегда, – отвечаю.

Он молчит сначала. Потом говорит, что мама сегодня приготовила обалденно вкусную курицу. Глупо так – мама всегда готовит обалденно. Потом папа замечает с деланной непридуманной усмешкой, что они оставили мне мои любимые крылья. Тоже глупо – с детства ем у курицы только крылья. И опять повисает пауза. В общем, отца можно понять – не о чем ему особенно говорить со мной, а у него же, вроде как, родительские обязанности и все такое. Он

приличный воспитанный человек и не может просто так взять и выставить меня из дома с глаз долой. Да и если бы это было законно, может, так и сделал бы.

– Я тут подумал, Шон, – он кладет руку мне на плечо, и меня передергивает, – может, как в старые времена, повозимся с машиной, а?

– Не надо делать вид, что тебе приятно со мной, – отрезаю.

– Ну что ты, сынок...

– Не надо, пап! – повышаю голос. – Ничего не надо, ладно?

Вытаскиваю тарелку с крылышками из микроволновки, накладываю салат и быстро иду к себе.

– Мы все еще можем отдать твою Шевроле в ремонт! – кричит папа мне вслед.

Звучит как будто «мы все еще можем отдать в ремонт *тебя*». Да уж, если бы были мастерские по ремонту сыновей, папа бы годовую зарплату не пожалел. А теперь ему просто приходится делать вид, что он меня по-прежнему любит. А машина? Мне ее подарили на шестнадцатилетие, а в конце прошлого учебного года я попал в аварию. Папа за эту тачку нормальную сумму выложил. Но тогда он еще меня любил. Тогда никто еще не знал, каким окажется его единственный сын. А потом его сын гонял по полю и врезался в дерево. Проскреб всю бочину, и папа на меня так посмотрел, будто это было специально, чтобы его позлить. На самом деле, нет, конечно. Ему не объяснить. Он думает, что все мои мысли только о том, как бы разочаровать его. Но, во-первых, больше чем есть, разочаровать уже невозможно. Просто у разочарования, как и у всего есть предел, и в нашей семье он достигнут. Тогда мне было плохо и, чтобы ничего с собой не сделать, поехал в поле, стал гонять там, и врезался в дерево. Потом меня опять потащили к психологу. Ну, ведь на огромном поле дерево было одно, и только идиот вроде меня мог врезаться в него.

Рита

Тридцать первого октября у Питера день рождения. Тридцать первого октября у нас с Питером день рождения, поэтому я пропускаю Хэллоуин и после уроков спешу домой. Как бы мне хотелось куда-нибудь выбраться, как раньше. В ресторан или в кино всей семьей, или хоть просто в занюханный Макдоналдс на шоссе Блу Стар Мемориал. Каждый Хэллоуин для нас всегда был двойным праздником. Днем мы бегали с друзьями, нарядившись в костюмы, и запугивали соседей, вымогая сладости, а вечером смывали краску с лиц и отправлялись с родителями в ресторан или оставались дома и принимали гостей. Наш день рождения всегда был пропитан ароматами корицы, тыквенного пирога и карамельных яблок в шоколадной глазури с разноцветной посыпкой. Теперь мама по-прежнему пытается поддерживать эту атмосферу, но сказочные ароматы не радуют Питера. Из карнавальных костюмов мы выросли, а после несчастного случая даже радость дня рождения испарилась. Но особенно сейчас мне очень хочется, чтобы все стало как прежде. Я надела бы свое любимое платье, строгое, серое, которое мы купили вместе с мамой, туфли на каблуках. Я бы надушилась любимыми духами Питера, и мы пошли бы праздновать. Мы бы считали оранжевые тыквы по дороге, угадывали наперегонки костюмы ряженных детей, дополняя нашу личную энциклопедию монстров. Мы бы сидели в центре зала лучшего ресторана и смеялись бы, и травили анекдоты, и выслушивали мои постоянные капризы, и Питер бы морщился нарочито недовольно, и папа бы его очень по-мужски поддерживал, а мама задавала бы мне вопросы. А потом бы мы начали говорить о Питере, о том, какой он умница, и какие делает успехи в учебе, и как ему все пророчат федеральную стипендию и блестящую карьеру. И наверняка у него была бы девушка, и мы стали бы говорить, какая она красавица, а Питер бы только усмехался и отмахивался. Но ничего этого не будет. Питер ни за что не выйдет из дома и уж тем более не пойдет в общественное место. Он вообще теперь не любит праздники и застолья. Но от семейного ужина ему не отвертеться.

Сразу после уроков я спешу домой.

– Куда ты убегаешь? – спрашивает Памела, когда мы стоим у шкафчиков. – У тебя же день рождения!

– Да, – говорю, – и у брата.

А эти шкафчики, яркие, желтые, на них так легко зависнуть. Они идеальные и образуют идеальную перспективу, протягиваясь с двух сторон вдоль стен коридора. Если не заглядывать внутрь, то может показаться, что и ученики старшей школы Броднек такие же одинаковые, как их ящики.

– Да, но ты так и не сказала, – продолжает Памела, как будто хочет подловить меня на чем-то, – почему твой брат не выходит из дома.

– По здоровью, – отвечаю, – говорила. После несчастного случая он не выходит.

– Что с ним?

– Да так.

– Он симпатичный?

– Перестань!

– Что перестань? – Памела надувает губы. – Ты-то красотка. А он не может ходить, да?

– Вроде того.

Как же мне хочется переменить тему. Или залезть в один из шкафчиков и отсидеться там, пока приступ любопытства у Памелы не сойдет на нет. Не хочу говорить ни с кем о Питере. Это вообще не их дело. Не выходит и не выходит. Почему всегда у всех несчастный случай вызывает столько вопросов! Разве мы переехали сюда не для того, чтобы избежать их! Достаяю телефон, чтобы отвлечься.

– Ты что, собралась фоткать шкафчики? – Памела в недоумении.

– А что, интересно, – отвечаю, – сделать такой проект, фотографировать шкафчики снаружи и внутри. Представляешь, как у всех внутри все по-разному! Это же целый мир, отражающий хозяина. Вот у тебя, например, что?

– Да оставь ты эти шкафчики в покое! Может, познакомишь нас как-нибудь? – Памела просто вгрызается в меня своими голубыми глазами.

– С кем?

– С твоим братом! – она недовольно выдыхает, как будто я полная дурочка и ничего не понимаю. – Мы же подруги.

– Да, как-нибудь, – отмахиваюсь, – спрошу у Питера. Если он захочет.

С трудом мне все же удается отлепиться от Памелы. Вернее, отлепить ее от меня. Прицепилась, как репей, и теперь не отстанет. Да еще не дай бог разболтает всем про Питера. Я ненавижу врать. Я вообще предпочла бы не говорить о нем и не отвечать на идиотские вопросы.

Тим Портер намекал, что не прочь был бы куда-нибудь меня пригласить в мой день рождения. Но теперь это только семейный праздник. Во многом из-за Питера. Хотя он отнекивается и морщит рот, говоря, что вообще не хочет праздновать и чтобы его оставили в покое. Но и я, и родители знаем, каждому хочется, чтобы его день рождения отмечался на всю катушку. Особенно, если это семнадцатый день рождения. Чтобы были подарки и накрытый стол, чтобы торт со свечками и желание, чтобы вечеринка, толпа друзей и танцы до утра.

Мама приготовила гребешки, дикий рис, салат с рукколой, а на десерт, как всегда, тыквенный пирог. Она накрыла на стол и все украсила, – идеальный кадр! Я быстро фотографирую, пока никто не видит. Мы надели красивые платья: я – бежевое в маках, а мама – строгое синее. Папа в брюках и белой рубашке с закатанными рукавами. Мне уже не терпится открыть подарки. Это традиция с самого детства – мы всегда открываем подарки одновременно с Питером. Поэтому я жду, поглядывая на обернутые блестящей разноцветной фольгой коробки. Коробки для Питера – в грубой шершавой крафтовой бумаге, перевязанные бечевкой. Свой подарок брату я завернула в матовую серую. Это коллекционное издание Стивена Хокинга. И хотя Питер всего его перечитал в электронном виде, я знаю, он оценит.

Наконец спускается Питер. Нет, мы не долго его ждали – он никогда бы не позволил кому-то его ждать – просто время, запутавшееся в моем нетерпении, тянется, как расплавленный зефир. Питер спускается по лестнице, и если не знать, то совершенно ничего не выдает в нем катастрофы. Он в профиль, шаги его уверенные, быстрые. Он одет в потертые джинсы и серую футболку. Он вообще не носит ничего, кроме джинсов и футболок. У него их миллион, и все одинаковые, и ему не надо ничего больше.

– С днем рождения! – он протягивает мне аккуратно запакованную коробочку с маленьким красным бантом.

Я обнимаю его и тянусь, чтобы поцеловать, но он отстраняется, отворачивается, так что я вижу только его профиль, и делает шаг назад.

– Извини, – бормочу.

Повисает пауза, такая же дурацкая, как привычка извиняться за то, что хочешь поцеловать брата. Прикасаюсь к Питеру, конечно, можно, но пытаться поцеловать его, да еще в щеку – этого делать я не должна была. Надо теперь быстро сменить тему, быстро собраться, снова забыть о правой стороне лица брата.

– А мой подарок тебе там! – я указываю на коробки на кухонном столе. – Посмотришь?

Питер кивает, делает три глубоких вдоха, выдавливает из себя улыбку. Когда он проходит мимо, мама еле заметно касается его плеча. Все ее жесты за эти два года стали едва уловимыми, быстрыми, но переполненными и чувственными. Мне иногда кажется, что отказаться

от объятий для нее было труднее всего, и теперь всю свою любовь она научилась выражать в таких вот мимолетных касаниях.

– Спорю, ты не угадаешь, что там! – говорю, кивая на увесистый сверток, похожий, скорее, на ящик.

– Хокинг? – сдержано предполагает Питер.

– Издеваешься! – я развожу руками. – Как ты догадался вообще?

– Не знаю, – он пожимает плечами. – А что, правда?

Он разрывает упаковку, и лицо его озаряется светом. Мне хочется подбежать, наброситься на него и обнять крепко-крепко. Но я сдерживаюсь.

– Тебе нравится? – спрашиваю только.

– Конечно, Рита! Это круто! Спасибо! А ты откроешь мой? – он кивает на коробочку, которую я все еще держу в руках.

Бант настолько ровный, что, кажется, сделан из пластика. Я дергаю за край ленты – внутри новенький айфон. И мне снова хочется обнять брата, расцеловать. И снова я сдерживаю себя, потому что он этого не позволяет.

Питер

Огромное поле простирается до самого горизонта. Поле, не засеянное ничем, заросшее дикими травами. Никому не нужное, никому не интересное. Кажется, по нему можно идти бесконечно, и никуда не придешь. Но на самом деле, там, за полем, есть дорога с бесконечной оранжевой полосой посередине. Если проехать километров десять на Восток, будет заправка и маленький магазин с кафетерием, а еще дальше – одиноко стоящие дома, разбросанные, как планеты в Солнечной системе. На это поле никто не сворачивает. Оно никому не принадлежит, но оно – надежный рубеж перед маленьким ранчо, обнесенным невысоким забором. За оградой гуляет пара лошадей. Американские верховые. Одна – вороная в закате, так выгоревшая под ярким солнцем, что выглядит уже почти бурой. Ну, ничего, придет зима, и черный цвет вернется. Вторая – гнедая, огненно-рыжая, как верхушки пылающего костра. Оба жеребца свободно резвятся на зеленом пастбище. Одноэтажный дом стоит в тени деревьев, рядом – конюшня и большой гараж. От дома до автострады вьется грунтовая дорога, засыпанная щебнем. На полпути стоит заграждение и знак с надписью «Частная собственность», поэтому вряд ли посторонним придет в голову доехать до одинокого ранчо и увидеть двух лошадей. Это место идеально уединенно и практически неприступно. О нем знают только три человека, кроме меня. Пока оно существует только в моих мечтах, но я надеюсь, что смогу скопить денег, купить землю и создать это ранчо. Когда-нибудь я поселюсь там, и мне не надо больше будет ни от кого прятаться. А пока на часах 11:30, и у меня назначен сеанс терапии с психологом.

– Может, освободишь сегодня камеру? – первым делом спрашивает мой психолог мисс Руднер.

Я вижу ее на экране компьютера. Каждый раз она пытается уговорить меня оторвать пластырь от камеры моего компьютера. Но оторвать его от загноившейся раны на теле было бы куда проще.

– Нет, – отвечаю.

Когда-нибудь я окончу школу, потом университет заочно, заработаю денег и буду жить на своем ранчо. И мне не нужно будет отвечать на вопросы о заклеенной камере. Пока же я как обычно говорю, что чувствую себя хорошо, дела идут, на новом месте обживаюсь. Хотя для меня-то не особенно видна разница. Что круто с мисс Руднер, она всегда умеет настроить меня на весь день, поэтому связь с учителями, уроки, лекции, обсуждения у меня уже после нее. С преподавателями по школьным предметам проще – они, конечно, знают обо мне и о моем лице, но не задают вопросов про выключенную камеру. Чтобы заниматься геометрией или астрономией, или даже литературой, совсем не обаятельно видеть человека. Чтобы оценить знания, достаточно просто получать файлы с решенными задачами и слышать правильные ответы.

После учебы я обычно работаю, делаю сайты. Несколько фирм подкидывают мне заказы. Сейчас отличное время – можно имитировать жизнь, не выходя из своей комнаты. Все, что нужно, заказываешь через интернет. Все, что нельзя заказать через интернет, тебе, по большому счету, не очень-то нужно.

– Питер, – кричит мама снизу, – тебе тут посылка!

– Да, сейчас спущусь!

– Что там? – спрашивает мама, – опять книги?

– Да так, кое-что по физике и естественным наукам.

Мама улыбается. Раньше бы она обязательно обняла меня, потрепала по волосам, а теперь я всегда успеваю отстраниться прежде, чем у нее проснется порыв. Даже предста-

вить не могу, как ей трудно сдерживаться. Вся ее нежность теперь находит отражение только в улыбке, и поэтому улыбка у мамы очень открытая и широкая. Но ей не хватает прежних объятий. Я чувствую это, но ничего не могу изменить. После несчастного случая я довольно быстро выработал привычку двигаться так, чтобы родители и сестра не видели уродливую часть меня. Ну, это если не считать того периода, когда я просто не хотел жить. Но я всегда знал, что не очень-то имею право на такие мысли. Я не один, чтобы так безответственно распоряжаться своей жизнью и своими желаниями. Как бы там ни сложилось, мои близкие слишком много для меня значат, чтобы причинять им еще большую боль. Нам всем пришлось переехать из-за меня, из-за этой больницы, операции, в которую я не верю, из-за моей потребности сбежать. И моя семья как будто бежит за мной, задыхаясь и не успевая даже перевести дух. Иногда думаю, зачем нам всем этот марафон, давно бы уже плюнули на меня, оставили бы всё как есть.

В Бостоне у меня было много друзей. У меня была жизнь. Но я не мог там оставаться. Другим слишком тяжело стало скрывать жалость. А ведь невозможно смотреть на меня без этого чувства. Да и что им всем со мной было делать? Гулять не позовешь, на концерт не сходишь, – не сидеть же привязанным к моему домашнему режиму.

После первой неудачной операции единственной отдушиной для меня оставалась Дороти, чистокровная арабская лошадь, которая хоть и не принадлежала мне юридически, была моей. И с ней я проводил тогда больше времени, чем с семьей. Я приезжал в конный клуб под вечер или ранним утром, когда там почти никого не было, пробирался в конюшню к Дороти, чистил ее, мыл, расчесывал гриву, просто сидел рядом или похлопывал ее по морде. И Дороти выдыхала теплый пар мне в лицо, и казалось, будто у меня все еще было лицо. Но так не могло продолжаться. Я не мог больше позволить себе скакать верхом – для этого нужно было преодолеть слишком много глаз. А Дороти не могла оставаться в стойле. Ей нашли другого наездника, и она продолжила свою карьеру. К тому времени как мы собрались переезжать, я уже достаточно долго не отвечал на звонки друзей, удалил все аккаунты в социальных сетях и выключил себя из реальной жизни. Да и из виртуальной тоже. Ведь, как ни крути, а чтобы полноценно жить виртуально, ты периодически должен постить какие-то свои фотографии, писать о себе, а для меня это закрытая территория.

Рита

- Что ты так прячешь его от всех? – снова прицепилась Памела с расспросами о Питере.
- Да не прячу я его! – отвечаю. – Просто он не особенно любит общаться.
- Познакомь меня с ним!
- Зачем?
- Ты же моя подруга! Что тебе трудно!

Да, мы с Памелой, вроде как, лучшие подруги. Она популярная, состоит в школьном клубе лидеров, организует акцию помощи приютам для бездомных животных и даже участвует в демонстрации против одежды из натурального меха. Памела не похожа ни на кого из тех моих подруг, что остались в Бостоне. Я уже готова сказать ей: «Ладно, как-нибудь познакомлю», – но меня спасает Тим. Подходит к нам – мы сидим на широком подоконнике в холле – облачивается о выступ. Он после тренировки, и футболка так обтягивает его бицепс, что я просто оторваться не могу, все смотрю и смотрю на него.

– Хватит болтать о всякой ерунде, – прерывает Тим наш разговор, хотя понятия не имеет, о чем мы говорили.

– Почему о ерунде! – возражает Памела. – Я, между прочим...

– Между прочим, – беспардонно перебивает Портер, – завтра у меня день рождения, девочки! И вы приглашены на вечеринку. Ты же придешь, Рита?

Я киваю, смущенно расплываясь в улыбке.

Тим достает из кармана телефон.

– Нет, ну вы такие красотки! – он втискивается между нами и вытягивает руку перед собой. – Давайте для моего Инстаграма селфи!

Он быстро делает фото и утыкается в телефон.

– Дай посмотрю, как я получилась! – прошу, и он показывает мне экран.

Я морщусь – не самое лучшее мое фото. Зато Памела, как всегда, словно на обложку журнала.

– Ты красотка! – смеется Тим, нажимает «поделиться», машет нам и убегает в сторону спортзала.

– Он на тебя запал, – говорит Памела, когда Портер уходит.

– Думаешь?

– А ты не видишь! – она улыбается.

Мне приятно это слышать. Можно ли желать большего, особенно, если ты новенькая.

На вечеринке у Тима собирается половина школы. Самые красивые девчонки и самые крутые парни. Конечно, изгоев, вроде Шона Фитцджеральда, не приглашают. Он учится в нашем классе, но его как будто нет. Его не травят, не подкалывают, ему не суют в сумку пауков, – о нем просто вообще не говорят. Фитцджеральд – как призрак. Недавно Осборн Квинс пришел на уроки в джинсах и футболке, так мисс Ким, наш учитель географии, его так пристыдила, что он бы покраснел, если бы у чернокожих выступал румянец на лице. «Почему Фитцджеральду никто никогда не делает замечаний?» – спросила я тогда у Памелы, но она так многозначительно помотала головой в ответ, что вопросы отпали. И я поймала себя на мысли, что даже не слышала никогда, как Шон отвечает в классе. Да что там – я никогда не слышала, чтобы кто-то вообще произносил его имя. И ведь не сказать, что он забитый. Нет, даже симпатичный.

Пару дней назад я выходила из класса, замешкалась, складывая страницы своего проекта. А потом споткнулась, чуть не упала, и вся моя работа разлетелась по полу. Рядом был только Фитцджеральд, и он неожиданно стал помогать мне. Присел на корточки, собрал несколько

листов и посмотрел на меня. Пару секунд, а потом отвел взгляд. Зеленые глаза, заметила я. Он стал дальше молча собирать страницы моего проекта, и тут в классе появилась Памела.

– Ну что ты так долго? – проворчала она, а когда увидела, что Фитцджеральд передает мне листы, одернула меня так резко, что я чуть не вскрикнула.

– Ты что! – испуганно протянула она, как будто я могла подцепить от Фитцджеральда какую-то заразу, чуму, ни больше, ни меньше.

Шон схватил рюкзак и быстро вышел, не поднимая головы и не глядя на нас.

– Что с ним не так?

– Даже не спрашивай! – с каким-то презрительным ужасом в голосе ответила Памела. – Не приближайся к нему. Его вообще здесь не должно быть.

Я вспоминаю о Фитцджеральде, когда случайно вижу его на заднем плане одной из фотографий в ленте Инстаграма. Праздник в самом разгаре, все смеются, пьют пиво. Памела ускакала куда-то поболтать по мобильнику со своим парнем, а я растерялась и уткнулась в телефон. Это вообще лучшее спасение – телефон. Если тебе грустно, неловко или скучно, ты всегда можешь скрыться в ленте маленьких картинок, затеряться там, чтобы тебя не нашли. После «несчастливого случая» с Питером, я себе места не находила, не хотела ни с кем разговаривать, никуда выходить, и у меня началась депрессия. Психолог посоветовала завести блог. «Замечай красивые вещи, – сказала она тогда, – фотографируй и выкладывай. Старайся больше обращать внимания на позитивное». А это ведь затягивает. Была у психолога и еще одна цель – она полагала, что если я стану фотографировать еду, то и питаться снова начну нормально. Думаю, именно поэтому доктор Каннингем так много говорила о фудфотографии. Я, правда, после того, что случилось с братом, стала очень плохо есть. Мама боялась, что у меня разовьется анорексия или что-то подобное. В общем, тут Инстаграм, думаю, в самом деле, меня спас. У меня хорошо получалось ловить солнечные лучи, бьющие через окно или рисующие дорожки света на зданиях.

Меня отвлекает Тим. Берет за руку и уводит на заднее крыльцо. Там мы пьем шампанское, болтаем, Тим целует меня в шею.

Шон

Еще один день, когда надо заставить себя проснуться. Заставить себя открыть глаза, встать с кровати, дойти до ванной, включить воду. Надо заставить себя идти в школу. Принимаю душ, взъерошиваю волосы. Не расчесываюсь – наплевать. Смотреть на свое отражение – это слишком, хотя куда от этого не деться. Как-то даже раскроил себе руку, ударив по зеркалу в ванной кулаком. Здоровый осколок врезался тогда между костяшками пальцев, кровища хлестала, как из банки взболтанной колы. Мама перепугалась, прибежала, расплакалась и, конечно, подумала, что это было специально. Позвонила папе, в скорую. Отец сообщил психологу. И опять началось. Можно заменить зеркало в ванной. Можно заменить сколько хочешь зеркал, но себя не заменишь – только и делай потом, что объясняй, что не хотел причинить себе вред. Смотрю на свое отражение и морщусь. Влезаю в джинсы, натягиваю футболку, толстовку – и в школу.

Потоки учеников в коридорах двигаются в обоих направлениях, но обтекают меня – как огонь не трогает яму заполненную водой. Иду к классу мимо радостного смеха одноклассников, мимо сплетен, шуток и косых взглядов. Нет, они направлены не на меня. Меня даже плечом случайно никто не заденет. Иногда хочется остановиться и посмотреть, пройдет ли поток насквозь. А иногда, кажется, физически ощущаю их ненависть и презрение. И глупо прятаться – это висит в воздухе, образует вокруг отталкивающий кокон. Не дает ни на минуту забыть, кто здесь чужой.

Одноклассники мои сегодня как вареные. Даже передовые личности не стремятся бодриться. И тут вспоминаю – вчера был день рождения Тима Портера. Когда-то Портер страшно ненавидел меня за то, что мне доставалось все внимание. Сейчас у него все козыри и любители вечеринок. Сейчас у него все девушки выпускных классов школы Броднек. И даже новенькая Рита Грейсон. У нее волосы такого необычного цвета – как перезревшая пшеница, выжженная солнцем. Портер, походу, на нее круто запал. Стоит, перешептывается со своими подхалимами, глаза косит на Грейсон, улыбается.

На уроках делаю вид, что пишу, уткнувшись в тетрадь, но на самом деле, продумываю лестницу у макета здания суда. Там еще изогнутые перила и площадка, выложенная большими плитами. И еще фонтан, такой классический, круглый, трехъярусный. И еще надо разгрести кучу веток в ящике стола. Если их отшкурить и покрасить белой краской, получатся отличные деревья для сквера. Кроны можно сделать из мягкого поролона. А можно сделать зиму, и тогда не париться с листвой. Или набросать под деревья мелкие обрезки – тогда получится осень, бесцветная, монохромная. Все думают, что времена года – это цвет. Лето – десятки оттенков зеленого и клумбы, красные, голубые, бордовые. Весна – молодая зелень, бутоны и розовые лепестки. Осенью все заполняется желтым, багровым, оранжевым. На самом деле, любое время года можно изобразить белым. Можно обойтись совсем без цвета – и все равно будет понятно. Рисую схему лестницы и даже не замечаю, как заканчивается урок. Сейчас ученики вскочат, схватят тетради, сумки и потекут потоком по коридорам. Мимо меня, сквозь меня. Удивительно, как может измениться жизнь, когда поймешь в один момент, кто ты такой на самом деле. Это как кривое зеркало. Искажает нормальные красивые лица, но никто же не думает, как в нем отразится кривое до безобразия лицо. Как знать, может, уроды в таких зеркалах как раз выглядят красавчиками. Как знать – уроды ведь не ходят по паркам развлечений и не платят за билет, чтобы поглазеть на свои искривленные лица. А если еще хуже – если дело вообще не в лице.

После уроков, выезжая с парковки, вздрагиваю от резкого звука. Белый Форд сигналил мне. Мне? Да даже если бы въехал в Корвет директора, тот только вышел бы и в недоумении покачал головой на вмятину, а потом решил бы, что камнем задело. Этот сигнал вырывает меня из уже ставшего привычным состояния абсолютного одиночества. Как в фильме «Я легенда», если бы вдруг из-за угла выкатилась толпа людей, герой бы от удивления в штаны наложил. Нажимаю на тормоз так резко, что едва не влетаю головой в руль, хотя скорость-то на выезде с парковки детская. Мурашки под футболкой подпрыгивают. Выпучив глаза, смотрю на белый Форд. Это Рита Грейсон. Ее губы складывается в слово «придурок». Не сразу соображаю показать ей жестом, чтобы проезжала вперед, поэтому получается запоздало и нелепо. Когда тебя не замечают, ты отвыкаешь реагировать на стандартные ситуации. Строго говоря, стандартные ситуации кажутся тебе чем-то совершенно не стандартным.

Питер

Я спускаюсь сделать себе сэндвич. Люблю, когда дом пустой, когда никого нет, когда даже мое ровное дыхание как будто отлетает от стен неслышным эхом. Наверное, только в такие моменты я и могу чувствовать себя по-настоящему свободным. Моя свобода – в одиночестве, за стенами дома. Моя свобода быть невидимым. Моя свобода – не выходить, не общаться с людьми. Моя свобода – прятать себя, потому что то, что некрасиво, должно быть спрятано. Разве не может быть такой свободы? Разве свобода – это не выбор, который ты делаешь исходя из обстоятельств? Разве свобода – это не то состояние, в котором тебе удобно и комфортно? И разве состояние это не может меняться? Я выбрал такую жизнь. Жизнь внутри. Жизнь, закрытую от общества. И я благодарен своей семье за то, что они поддержали меня и не стали настаивать. Они приняли мое решение, приняли мой новый комфорт.

Два квадратика хлеба на разделочном столе – как абсолютно одинаковые картины в галерее современного искусства. От них приятно пахнет дрожжами. Я мажу один горчицей, отрезаю ломтик помидора, когда слышу шум в гостиной и голос Риты. Она кричит, что вернулась из школы не одна. Я замираю в панике. Могла бы предупредить! Черт, о таком у нас обязательно принято предупреждать! Да у нас и не было ничего такого уже два года. Надо быстро бежать к себе наверх, но поздно – они уже входят в кухню.

– Привет! – слышу я радостный незнакомый девичий голос. – Питер, так ведь?

Я сжимаю рукоятку ножа так сильно, что она вот-вот прожжет ладонь. Мне хочется воткнуть острое прямо в толстую разделочную доску. Хочется вонзить его со всей силы в кусок говядины или себе в руку. Неужели сестре настолько наплевать на меня? Неужели маленький клочок мой свободы для Риты ничего не значит? Не так уж много у меня осталось. И это после ее настырных попыток вытянуть меня из дома! Последние несколько месяцев мы часто обсуждали это. Да я только это и слышал! И теперь вот такое? Она привела подружку? Это выглядит как злая издевка.

– Привет, – стараюсь выглядеть вежливым, поворачиваюсь левой стороной лица.

Рука, сжимающая нож, так напряжена, что срывается, и лезвие полусует по пальцу. Я порезал себя. На секунду в голове все заволакивает туманом. Я по-прежнему сжимаю нож. Ломтики помидоров, куски хлеба, упаковка соуса, кухонные шкафы и дрожащие пальцы начинают вращаться, как в калейдоскопе. Никогда не понимал, как люди могут причинять себе вред. Много раз я думал о том, как можно решиться на самоубийство. Что движет теми, кто идет на это, смелость или слабость? Вот так взять и порезать себя намерено, нужна ли для этого храбрость, или достаточно крайней степени отчаяния? Не сказал бы, что с моей стороны это отважный поступок. Скорее, неконтролируемый. Это как когда необъезженный жеребец сбрасывает наездника, срывается с привязи и мчится галопом прочь. Кто-то посторонний вторгается в мое пространство. Кто-то проникает в мой мир и грозит разбить его. Вирус, нарушивший иммунные барьеры, теперь опасен.

– Простите, – говорю, – я порезался, – наспех заматываю руку полотенцем и быстро ухожу.

Не прощу этого Рите. Даже не передать, как я злюсь на нее. Пытаюсь отвлечься Эйнштейном или Ганди, но буквы разбегаются по страницам и еще больше бесят. Швыряю книги в угол одну за другой. Начинаю листать ленту Инстаграма – там одноклассница Риты уже запостила их солнечное селфи у нас на кухне. Значит, с Памелой она сегодня приходила. Ну что же тогда не сняли меня! Вот было бы веселье.

Рита

После дня рождения Портера все кружится в суете, уроках, конференциях, проектах, заданиях. Мы начинаем встречаться с Тимом, и он таскает меня на футбольные матчи и вечеринки. Я редко бываю дома по вечерам и даже почти не думаю о Питере. Вернее, отвлекаюсь от мыслей о том, во что его травма превратила нашу жизнь. Ведь как бы там ни было, все теперь сосредоточено вокруг него. Мне тяжело об этом думать, как тяжело бывает смотреть в глаза брату и прятать свою жалость. Все, что у него осталось – книги и компьютер. Все, с кем он общается – учителя и психолог, которая вообще живет в Северной Дакоте. Но даже они его не видят. Веб-камера на компьютере Питера заклеена пластырем, как рана или ссадина, которая никак не заживает. Я не удивлюсь, если он бережно меняет пластырь каждый раз, когда тот начинает немного отходить от пластика. А еще у Питера есть аккаунт в Инстаграме. Помоему, в его подписках только одна я. И у него там ни одной фотографии, профиль совершенно голый. Я иногда захожу на его страницу и могу зависнуть там, тараща на пустую аватарку. Как сейчас, например. Мне стыдно и меня переполняет чувство вины. За то, что у меня есть друзья, школа, романы, у меня есть яркие фотографии и жизнь, а у Питера нет. Поэтому я не люблю говорить с друзьями о своем брате – меня сразу начинает грызть вина. Прямо в горло вцепляется и не отпускает. Поэтому я так отчаянно хочу вытащить Питера на улицу. Хоть куда-нибудь, хоть на задний двор поздно ночью. Ведь вовсе не обязательно все будут отворачиваться от него. Мне бы больше всего на свете хотелось познакомить его со своими друзьями. Познакомить с Тимом, с Памелой, звать его на вечеринки, сидеть рядом с ним на футболе и болеть за нашу школьную команду. Мне хотелось бы, чтобы у него была жизнь. Не такая, какую он сам себе создает каждый день. Я очень хочу помочь ему выбраться из кокона, поэтому, когда Памела в очередной раз пристает с расспросами, я приглашаю ее в гости.

«Знаешь, – предупреждаю, – ты только не жди, что Питер будет с тобой общаться. Он, скорее всего, даже не спустится». Памела кивает. Она заинтригована и раззадорена собственными фантазиями, а меня не покидают сомнения. Но, в конце концов, я же имею право позвать в гости друзей. В конце концов, я же не затворница. И очень хочу, чтобы Питер таким не был. С другой стороны, в тайне я надеюсь, что Питер будет наверху в своей комнате, услышит, что я пришла не одна, и не спустится. И тогда все будет идеально: напористое любопытство Памелы удовлетворено, моя попытка его удовлетворить засчитана, и уединение Питера осталось неприкосновенным.

Когда мы входим в дом, я стараюсь наделать как можно больше шума и даже кричу, что вернулась не одна, а сама прислушиваюсь – что там наверху. Наверняка Питер сидит за книжками в своей комнате. Мысли проносятся так быстро, что я не замечаю, как мы с Памелой почти на автомате проходим в кухню.

– Привет! – радостно почти вскрикивает Памела, когда видит там Питера.

Он стоит у разделочного стола спиной к нам. Только Памела открывает рот, Питер напрягается. Я не вижу, но чувствую в воздухе, через пространство кухни, как каждая жилка в его теле, каждый мускул собираются в тугий пучок электричества.

– Питер, так ведь? – по-прежнему очень радостно и очень непринужденно говорит Памела.

Я почти слышу хруст костяшек пальцев – так сильно Питер сжимает рукоятку ножа.

– Привет, – он поворачивается в профиль, в свой безупречный профиль, замирает на несколько секунд, потом так же сдержанно продолжает. – Простите, я порезался.

Закрывает ладонь полотенцем и уходит.

– А он красавчик! – выпаливает Памела, едва Питер исчезает за углом.

Вот дура! Дура. Дура! Он же просто скрылся от тебя! От нас. Он не поднялся по лестнице и не пошел в ванную. Он стоит за стеной и глубоко дышит, пытаясь прийти в себя. И он, уж конечно, все слышит.

– Правда, он крутой! – снова произносит Памела.

– Все, ладно, – пытаюсь сменить тему, – Давай пойдем погуляем. Или по магазинам...

Я не знаю, что сказать и как поскорее вытряхнуть ее отсюда. Слышу тихие шаги – Питер поднимается по лестнице.

Вечером, когда возвращаюсь домой, мама и папа что-то обсуждают на кухне и приветствуют меня радостными голосами. Но не успеваю я даже сумку кинуть на диван, прямо у лестницы меня перехватывает Питер. Возникает, как приведение из тумана, и крепко сжимает мою руку.

– Что это было такое? – цедит он сквозь зубы.

Он разъярен. Он редко бывает таким. За последние два года, может быть, я видела его настолько злым всего пару раз. И никогда ярость не была направлена на кого-то из семьи.

– Отпусти! Больно! – прошу.

Он разжимает пальцы.

– Какого черта!

– А что, мне нельзя привести подругу в гости? – я пытаюсь нападать, но знаю, что не права, и поэтому все мои доводы разбиваются, еще не достигнув цели.

– Хотела ее со мной познакомить? – шипит брат.

– Нет, – вру, и это так очевидно, что я тут же поправляюсь. – Ну, а что такого? Питер, почему бы тебе не познакомиться с моими друзьями...

– Потому что они не захотят на меня смотреть!

– Ты несправедлив...

– Как будто ты не знаешь!

– Я же могу на тебя смотреть, и мама, и папа! Мы же знаем, какой ты на самом деле...

Он резко поворачивает голову и теперь смотрит на меня в упор.

– Можешь на меня смотреть, да? – рычит Питер. – Так смотри!

Его лицо как будто специально ровно разделено надвое – как будто это два разных человека. И тот, что справа, уродлив. Справа – кусок мяса, перетянутый жгутами и канцелярскими резинками. Ресниц нет, от уха осталось только отверстие. Это чудо, что глаза не пострадали. Он как живой мертвец из фильма ужасов. Только не отворачиваться. Не отворачиваться. Надо смотреть. И прятать поглубже жалость.

– А я не могу! – наконец бросает он, освобождая меня от своего взгляда.

И снова я вижу только его профиль. Питер говорит, что я поступила подло и эгоистично. Как будто я сама не знаю. Как будто не чувствую себя последней гадиной. Мог бы и промолчать.

На ужин он не спускается. И конечно, начинаются расспросы.

– Что с ним? – беспокоится мама.

Папа настораживается и пристально смотрит на меня. Ох, вынести этот папин взгляд просто невозможно – хуже, чем буровая установка.

Папа многим пожертвовал, многое изменил в своей жизни ради Питера. Раньше он работал заместителем управляющего образовательного фонда, занимался грантами для университетов и школ, но потом нам пришлось переехать, и он оставил фонд. Нашел работу в Университете в Балтиморе и все силы бросил на поиски врачей, клиник и возможностей для операции Питера. Папа любил свою работу в фонде, но по нему никогда не скажешь, что переезд или смена деятельности как-то задела его или расстроили. Я и Питер для родителей – всё, так что у них даже вопросов никогда не стояло, а надо ли.

– Мы поругались, – говорю.

– С Питером? – мама чуть только не подсказывает на месте, так она удивлена.

Я киваю.

– Что стряслось, Рита? – по папиному голосу сразу ясно, что с Питером поругаться не так-то просто. Значит, я должна была сотворить что-то просто прямоком из ада.

– Я привела домой подружку, а Питер был на кухне. Но Памела его даже не видела! То есть, не видела его лица...

– Рита... – тянет мама и склоняет голову на бок, как будто хочет сказать, ну какая же я дуручка недоразвитая, что такое сделала.

– Я что, не могу прийти домой с подружкой! – взрываюсь тут же. – У меня же может быть своя жизнь...

– Надо было предупредить, – мама встает из-за стола и отходит к окну. Она смотрит на задний двор, и в прозрачном отражении я вижу, как она прикрывает ладонью рот и качает головой.

– Ты осуждаешь меня? – спрашиваю.

– Нет, Рита, – очень тихо произносит мама. – Просто нужно быть внимательнее. Ты знаешь, как для Питера важно, чтобы его никто...

Она не договаривает, потому что горло у нее заполняется слезами, которые льются не из глаз, а как будто прямо из сердца.

– Все в порядке, милая, – папа подходит и кладет руки маме на плечи. – Я поговорю с ним.

– Простите меня! – всхлипываю. – Я не хотела так. Я, правда, хочу, чтобы он начал выходить, чтобы перестал быть затворником... Я ведь его очень люблю. Вы же знаете! Вы простите меня?

– Конечно, дорогая, – и теперь уже мама обнимает меня.

Мы долго сидим с ней на диване до самой ночи и болтаем. О школе, о Тиме Портере, о том, как у меня все хорошо и гладко, как мне повезло с новыми друзьями. Я поджала под себя ноги и натянула на них длинное вязаное платье цвета перспелой вишни. Родители – как щит для нас с Питером. И порой им приходится защищать нас от нас самих, от наших мыслей и необдуманных поступков.

Уснуть не получается, поэтому я остаюсь внизу и, когда уже переваливает за полночь, слышу, как папа с Питером идут на кухню, не замечая меня, сидящую в полной темноте. Я долго не решаюсь, но потом все же подкрадываюсь ближе, и до меня долетают обрывки разговора, как самые яркие искры, оторвавшиеся от костра, которые осмелились взлететь выше остальных. И как настоящие искры, они больно обжигают.

– Немного осталось, Питер, подожди, – папа говорит спокойно и сдержано. – Сделаем операцию. Здесь отличный врач и самые передовые технологии...

– Не хочу, – жестко обрывает Питер, и у меня тут же обрывается что-то внутри от его тона. – Уже было две операции! Неужели непонятно, ничего не выйдет!

– Питер... – папа пытается переубедить его.

– Что? Опять отторжение? Я не хочу! Мое тело не принимает новую кожу. Это больно. Невыносимо! И к чертовой матери эту надежду! Ничего не выйдет.

– Но мы же все равно попробуем?

– Опять проходить через это, чтобы на меня все пилились... Не хочу. Пусть всё остается как есть. Простите, что вам приходится на это смотреть каждый день...

Тут папа срывается на возражения, а я срываюсь с места и на настоящую истерику. Тихую, никому не заметную, которая держится внутри меня ровно до тех пор, пока я, быстро поднявшись по лестнице, не закрываю дверь своей комнаты. Я даже подумать не могла, что Питер настолько разочарован в медицине. Зачем он такое говорит? Ведь каждый шанс ценен,

и за каждый надо цепляться. Да, у него было за эти два года две операции по пересадке кожи. И хотя врачи говорят, что лицо все равно не восстановится полностью, его черты не будут такими же ровными и безупречными как раньше, все же, по крайней мере, то, что сейчас торчит, как внутренности от разодранной детской игрушки, исчезнет. Если бы все удалось, Питер, безусловно, мог бы появляться на людях. Его жизнь изменилась бы. Две операции закончились неудачно. Потом папа нашел нового врача здесь, в Балтиморе, уговорил Питера. И мы переехали. Бросили все, оставили свою жизнь, друзей, школу, работу. Питер все время вообще молчал. Что бы ни говорили родители – кивал, соглашаясь. А теперь такое. Неужели ему не нужна больше надежда! Нет, надежда нужна всем, каждому, ведь без надежды, как можно просыпаться по утрам.

Я реву в подушку. Я не хочу, чтобы Питер отказывался от операции и от жизни. И я знаю, что эта новость убьет маму, потому что чувствую, как она убивает меня.

Шон

Часто приезжаю сюда, на старую лодочную станцию у Моста Чесапик Бэй. Надо свернуть с дороги прямо перед въездом на мост. Там тупик. Оставляю машину на обочине и дальше иду пешком. У воды – пара старых ржавых сараев, пара колымаг и раздолбанный пирс. Здесь пахнет сыростью, машинным маслом и железом. Здесь никогда никого не бывает. Стою обычно на пирсе или, как сейчас, у самой кромки воды, и просто смотрю на мост. Огромный, он ведет как будто в другой мир, конца его не видно. Сегодня почему-то думаю о Рое Виспоинте. И что он пришел мне в голову, как призрак, который является к своему убийце! Рой учился в нашем классе. Еще два года назад учился. Он был обычным мальчишкой. Мы с пацанами считали его слабаком. Вспоминаю, почему-то, как он подошел однажды к своему шкафчику, открыл, а мне приспичило подбежать и со всей дури заехать по дверце ногой. Она захлопнулась с металлическим грохотом. Чудом Виспоинт одернул руку. Если честно, не думал, что он успеет. А еще в столовой. Как-то мы поспорили, кто первый опрокинет поднос с обедом на Роя. Ну, и в тот же день поднос стоял на самом краю. Один удар – и все высыпалось на Виспоинта. Пытаюсь вспомнить, кто был зачинщиком всего этого. Воспоминания даются нелегко. Просто это был тот же, кто стоит сейчас и втыкает в мост, прячась за мыслями о бесконечности. И почему так получается, что кто-то становится жертвой, а кто-то агрессором. Кто решает? И ведь не сказать, что у кого-то были преимущества. Мы все были новичками в старшей школе. Меня сразу взяли в футбольную команду. Но это не причина. Рой ничем особенно не выделялся – был обычным. Но это тоже не причина. Мы так доставали его, что он ушел из нашей школы. Как будто не из-за нас, конечно, но перед тем, как перевестись, он пытался покончить с собой. Наглотался таблеток, а это оказался аспирин или что-то такое. Тогда не хотелось об этом думать. Теперь хочу думать, что это было не из-за меня, но не выходит. Почему кто-то вообще позволяет себя травить? Почему кому-то приходит в голову травить других? Мне ли задавать такие вопросы...

Прихожу домой, быстро делаю себе пару больших сэндвичей с беконом, говядиной, листьями салата, майонезом и кленовым сиропом. Быстро съедаю все, запиваю соком и закрываюсь в своей комнате. Сегодня не моя смена на работе, и можно подольше позаниматься макетами. Мы почти никогда не ужинаем с родителями. Да и не завтракаем. Мама не настаивает, чтобы я спускался к ним, а отец не очень-то рад моей компании. Денег у родителей не беру, да мне и не много надо – только на бумагу, клей и новые канцелярские ножи. Когда-то – кажется, в прошлой жизни – у меня был футбол. Квотербэк, капитан школьной команды. Моя блистательная карьера по этому профилю рухнула вместе с моим положением в обществе. Мне нравился футбол, нравилось бегать, планировать схему игры. Все пророчили мне спортивные успехи, да и звезда школы – предел мечтаний, чего уж там. Отец от гордости чуть только не лопался. Но мне всегда нравилось и клеить макеты зданий из бумаги. Сидеть над трехэтажным домом ночами, выгибать подоконники и ступеньки парадных. Никогда на это не было времени, а теперь даже дверные ручки делаю. Психолог сказала, это такой уход от действительности. Сказала, хорошо, что занимаюсь чем-то мелким и кропотливым – это помогает не думать. Но на самом деле – фигня – это только провоцирует мысли. Окно за окном, каждый день одни и те же действия. Каждый вечер передо мной белый лист, с которого никогда не начать свою жизнь. Когда сделал здание Пентагона – не самое сложное с точки зрения архитектуры, но с деталями, аллеями во внутреннем дворе и окнами – мама так восхищалась. А папа только пожал плечами и больше не взглянул на него. Ему это даже как терапия кажется несерьезным. А у меня макеты по всей комнате, и в гостиной несколько. Еще несколько мама увезла в наш коттедж за городом. Сейчас делаю пражский танцующий дом. Его окна занимают меня уже четвертый вечер. Вчерашний шрам на руке ноет и то и дело задевает об острые края бумаги.

Шрам – это на самом деле ожог. Такие случаются, когда работаешь на кухне в кафе, жаришь котлеты для бургеров. У меня – специально, просто, чтобы не забывать, из чего состоит моя жизнь. Такие ожоги – нормальная практика для кухонных работников. Особенно для неуклюжих кухонных работников. Но совершенно не нормальная для меня. Однажды психолог спросила, как мне удастся делать такие точные макеты из бумаги и в то же время так неосторожно вести себя на работе. Пожал плечами и больше мы с ней не встречались. А еще стеклянные балконы танцующего дома – это серьезная проблема, ведь бумагу прозрачной не сделаешь. Надо будет придумать систему перемычек, а потом обтянуть все тонким гибким пластиком. Никогда не был в Праге, и поэтому потратил кучу времени, рассматривая дом на фотографиях. Сделал кучу чертежей, чтобы понять, как его сконструировать. Моя комната вообще вся завешана набросками разных архитектурных элементов.

Рита

Тим приглашает меня на вечеринку. Какую-то пафосную. Один его приятель, жутко богатый тип, устраивает праздник в доме своих родителей. Это за городом, и мне стоит немалых усилий уговорить родителей отпустить меня. Я надеваю любимое платье, нежно розовое, до колен, с вырезом от плеча до плеча. Волосы заплетаю коралловой лентой. Стою в ванной, крашусь, любуюсь на себя в зеркало и замечаю, как за мной наблюдает Питер. Вижу его отражение. Господи, он даже из-за двери выглядывает так, чтобы я в зеркале ловила только левую часть его лица!

– Потрясно выглядишь, – говорит Питер.

– Правда? – я оборачиваюсь. – Ты так думаешь?

– А то ты сама не знаешь!

– Спасибо, – я улыбаюсь и беру с полки телефон. – Сфоткаешь меня?

– Без проблем.

Фотография получается обалденная. Питеру так удается поймать свет, что блики играют на моем лице, создавая совершенно нереальный эффект.

На этой вечеринке, правда, всё вылизано до блеска. Парни все пьют виски. Никто не пьет пива, как на сборищах наших одноклассников. Девушки потягивают шампанское. Так красиво выстроены пирамиды из бокалов. Девчонки фотографируют их. Фотографируют закуски, занавески на окнах и, конечно, себя. Десятки селфи летят в сеть. С подписями и хэштегами, с геометками и самолюбованием. Тим подходит, обнимает меня сзади. Спрашивает, нравится ли мне здесь. У меня голова кружится от алкоголя, музыки и поцелуев Тима. Пальцы на руках почти немеют с приятным покалыванием каждый раз, когда он обнимает меня. Ближе к середине вечера Тим уверенно уводит меня за собой на второй этаж в одну из спален. Я смеюсь и отвечаю на его поцелуи, которые становятся откровеннее и смелее, хотя и так не были никогда скромными.

Мы поднимаемся в большую спальню с кроватью, на которой гнездятся пять пар подушек, сложенных в одинаковые пирамиды. Тим закрывает за нами дверь, толкнув ее ногой, крепко обнимает меня за плечи и сажает на кровать. Сажает и тут же укладывает. И снова целует, напористо, упрямо. Его рука уже у меня под платьем, уже у меня в трусиках. О боже! Я моментально трезвею, пытаюсь отодвинуться. Его пальцы делают то, к чему я не готова.

– Тим, погоди! – я на секунду вырываюсь из хватки его поцелуев.

– Да ладно, не парься, Рита, – говорит он, впиваясь языком мне в шею и двигаясь ниже. – У меня есть презервативы. Все нормально.

Я чувствую себя полной дурой. Как можно было не подумать об этом, соглашаясь на вечеринку! Как можно было не подумать об этом, соглашаясь вообще быть девушкой Тима! Просто я еще девственница, и свой первый раз представляла иначе. Конечно, я уже давно представляю его с Тимом, но не так. Не в чужом доме. Не его пальцами.

– Тим, – говорю сдавленным голосом, высвобождаясь из его рук и поцелуев, которые вдруг в один момент начинают отдавать сигаретами и алкоголем. – Погоди! Что ты делаешь?

– Хочу заняться с тобой сексом, – усмехается он и быстро двумя руками стягивает с меня трусики.

– Я не хочу, – произношу. – То есть, хочу, но давай не здесь.

– А что плохого здесь?

Он задирает мне платье.

– Тим, я не готова...

– В смысле? – он поднимает на меня глаза. – Я еще и не начал.

Меня вдруг начинает подташнивать. Я совершенно не думала о таком исходе, что было глупо с моей стороны. Теперь придется все объяснять.

– У меня просто раньше никогда не было...

Он резко разочарованно выдыхает, потом смотрит на меня подозрительно.

– Ты что, девственница?

– Ну... да...

– Блин! Вот черт!

– Извини, Тим...

– Ладно уж, – снова выдыхает он. – Но тебе не кажется, что сегодня отличный день, чтобы лишиться девственности, а?

– Я не готова...

– Черт! – Тим матерится. – Ну ладно, давай, одевайся.

И весь вечер он ходит с испорченным настроением. Я, с одной стороны, как будто понимаю его, но с другой, чувствую брезгливость и какое-то отчуждение. От него, от всей этой вечеринки, от пирамид бокалов, от быстрого секса в чужих спальнях. Я хотела, чтобы Тим привел меня к себе, чтобы мы долго целовались, потом просто лежали рядом, а уже потом... А он смотрит с каким-то пренебрежением, как будто у меня нет ноги или руки, и он обнаружил протез во время попытки заняться со мной сексом. Я хожу рядом с ним, как навязчивая тень, потом прощаюсь, вызываю такси и еду домой. Тим не возражает и на прощанье целует меня в щеку.

Дома застаю в гостиной Питера.

– Чего не спишь? – спрашиваю.

– Не спится, – отвечает он, – решил тут почитать. – Что с тобой? Вечеринка не удалась?

– Угу, – киваю и присаживаюсь рядом на диван.

– Что случилось, Рита? – он с такой заботой и таким волнением спрашивает, как может спрашивать только самый лучший старший брат, и я знаю, будь с ним все в порядке, он, наверное, сразу же захотел бы набить морду Тиму, но он даже не поворачивается ко мне, так и сидит в профиль.

– С Тимом поругались, – объясняю.

– Сильно? Из-за чего?

– Из-за того, что я дуручка, – закрываю лицо руками и плачу.

Реву прямо. Вот уж точно идиотка. Но алкоголь подстегивает глупость и инфантильность, берет их за руки и выводит на авансцену твоего характера. Всегда так.

– Я сказала ему, что еще девственница.

– И что он?

– Что он! Ничего! Думает теперь, наверное, что я полная неудачница.

– Почему? – Питер как будто не понимает.

– Потому!

– Да ладно тебе, Рита! – он обнимает меня. – Если этот Тим нормальный парень, то поймет...

– Да уж, конечно, тебе-то откуда знать, – говорю и тут же осекаюсь. Я не то имела в виду. Вернее, я имела в виду, что Питер парень, а они думают по-другому, но он воспринял все не так. – Прости! – тут же поправляюсь, но он уже встает и отходит к стене. – Прости...

Они же сегодня ездили в больницу! Папе удалось уговорить брата согласиться на третью операцию... А тут я со своими дурацкими проблемами и соплями!

– Что сказал врач? – я тихонько подхожу и кладу руку на плечо Питеру.

– Сказал, что надо подождать еще и сдать дополнительные анализы. Они что-то изучают там.

- Все будет хорошо, вот увидишь...
- Не будет, – обрывает он. – Я знаю, что не будет.
- Прости меня, Питер...
- Не за что. Ты ни в чем не виновата.

Если следовать терминологии брата, Тим все же оказывается «нормальным парнем». Пару дней в школе держится со мной холодно, но потом оттаивает. Мы снова вместе, снова целуемся на переменах, обнимаемся и планируем провести выходные вдвоем. И на этот раз я не сглуплю.

Его родители в командировке до понедельника. Мы договариваемся, что он заедет за мной вечером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.